

Андрей Кивинов

Миссия выполнима

«Автор»

Кивинов А. В.

Миссия выполнима / А. В. Кивинов — «Автор»,

© Кивинов А. В.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Андрей Кивинов

Миссия выполнима

Глава 1

В каком-то научном журнале о жизни фауны я вычитал, что с точки зрения кошаков Господь создал людей с одной целью – кормить этих самых кошаков. Вероятно, с точки зрения моего собрата по ремеслу Жоры, я существую на белом свете исключительно, чтоб добросовестно и самоотверженно вкалывать вместо него. Возможно, я немного заблуждаюсь, но ничего другого в голову не приходит, когда в очередной раз Жорин кислый лик возникает в дверном проеме моего кабинета. Именно с таким выражением физиономии он обычно просит поможения в оперативно-розыскной деятельности, коей мы вынуждены заниматься по долгу службы. «Если ты откажешь, я покончу с собой из табельного оружия», – сообщают мне бездонные Жорины очи, поэтому я стараюсь не отказывать. В настоящую секунду взгляд коллеги полон такой безысходности, что застрелиться хочется самому.

– Беда, Андрюхин, – коротко сообщает Жора, переступая порог, – это конец.

– Это не конец, Жора. Жизнь прекрасна, поверь, – я убираю со стола тяжелую пепельницу и киваю на стул, предлагая коллеге стул, – рассказывай про беду.

Нет смысла приводить Жорин монолог дословно, во-первых, он обильно приправлен ненормативной лексикой, а во-вторых, вы еще решите, чего доброго, что в уголовный розыск берут людей с белой горячкой. Поэтому я ограничусь конспективным пересказом услышанного.

Где-то пол года тому назад постовые милиционеры схватили господина без определенного места жительства, который под покровом ночи свинтил медную катушку лифта, дабы впоследствии сдать ее в пункт приема цветных металлов и заработать на стаканчик алкогольных продуктов. Жора занялся господином, и тот после изнурительного допроса признался, что таких катушек за последний месяц свинтил аж сто четырнадцать штук, нанеся непоправимый урон лифтовому хозяйству района. Посадив злодея в камеру, Георгий взял в руки калькулятор и принялся за математические расчеты.

К слову сказать, основным показателем нашей работы служит так называемый процент раскрываемости – количество раскрытых преступлений на количество зарегистрированных. Низкий процент является самым страшным грехом в ведомстве. Если не смертельным, то около того. Могут позорно отлучить от службы. Жоре по разным причинам не очень везло с этим дурацким показателем, за что он регулярно стоял с опущенной головой на пушистых коврах в больших и малых кабинетах.

Математический анализ, проведенный коллегой на счетной машинке, дал любопытный результат. Если принять от «Лифтреммонтажа» одно заявление о краже всех катушек оптом, то процент почти не изменится. Но если по каждой в отдельности... Хо-хо-хо...

В течение следующего дня, пока задержанный отсыпался в камере, Жора ухитрился получить от лифтовиков сто четырнадцать заявлений на каждую катушечку. Что при этом подумали о нем лифтовики, я могу только догадываться. Но это не столь важно. Господина арестовали и отправили в тюрьму, а Жора принялся снимать сливки. В результате такой нехитрой комбинации он мгновенно выбился в недостижимые лидеры по всем показателям и стал в отделе за героя. По итогам года Жору наградили медалью «За отличную службу по охране общественного порядка», присвоили внеочередное звание и повесили на Доску почета района. В смысле, его мужественную фотографию. Начальство ставило Жору в пример и на ковры больше не

выдергивало. Мой друг расслабился и теперь спокойно покуривал в кабинете, закинув ноги на стол, словно американский коп.

Кердык подкрался, как это обычно и случается, незаметно. Любителя цветных металлов неожиданно оправдали в суде по политическим соображениям. Он, оказывается, был не просто бомжом, а беженцем из горячих точек, лишившийся всего личного имущества в результате неграмотной политики правительства на Кавказе. Дабы скандал не достиг ушей мировой общественности, мужика по-тихому выпустили из зала суда, а дела вернули на доследование, предложив органам найти истинного похитителя катушек. Которого, как явствует из вышеизложенного, не существовало в помине. Интерактивное шоу на местный манер. В итоге, сто четырнадцать заявлений из плюса превратились в минус, со всеми бурно вытекающими отсюда последствиями. Мнение начальство по этому поводу было сейчас почти дословно пересказано мне бедным Георгием.

– Палыч дал шесть месяцев сроку, чтоб все вернуть назад. То есть пол года – закончил печальную повесть мой незадачливый друг и опустил голову на грудь.

– А если не сможешь? Выгонит?

– Нет. Просто застрелит. Сказал, отведу за гараж и кончу.

– Палыч сделает, – согласно кивнул я.

Палыча понять можно. Палыч это наш начальник. Майор Шишкин.

Вообще то, он мужик неплохой, в отделе уже лет десять. Шибко не зарывается, карьеру не делает, крышует помаленьку над местными торгашами, не при службе собственной безопасности будет сказано. Без лишней нервозности и конфликтов с вышестоящим начальством. Отдел в крепких середнячках, особых претензий к Палычу нет, что ж не работать? А тут всякие экспериментаторы с калькуляторами, из-за которых могут и с должности попросить, а то и на пенсию отправить, благо выслуга позволяет. Волей не волей за пистолет схватишься. Что на пенсии делать? Скучно на пенсии.

– Не горюй, Жор. Пол года большой срок. Может, Палыча снимут, а может, показатели отменят.

– А душа? Душа то болит!

Да, Жорину душу я в расчет не взял, поэтому крыть нечем.

Георгий сжал виски ладонями и ушел в себя. Нарубить сто четырнадцать «палок» задача повышенной сложности, все равно, что Кафельникова в теннис обыграть в трех сетах. Но играть, в смысле рубить придется, уходи в себя, не уходи.

В кабинет врывается Борька по кличке Укушенный, еще один славный представитель нашего ментовского сообщества. Кличку он заработал, после того, как подразнил лошадь, на которой юннаты катали по проспекту граждан. Чего ему пришло в голову строить кобыле рожу? Ладно, был бы сержантом или старшиной, а то офицер милиции. И, главное – трезвый ведь! Кобыла смотрела, смотрела на глумление, да как цапнет Борьку за носяру. А зубы то у кобылки ого-го, что у акулы. ... В итоге две недели больничного и восемь швов. Борька этот казус из своей биографии тщательно скрывает, рассказывая всем, что нос поранил, освобождая заложников. Мы Борьку не подставляем, утвердительно кивая головами. Да, было дело – освобождал.

Сейчас Борька в темных очках, которые маскируют новое увечье – обширный бланш под правым глазом. Теперь все по честному – травму парень заработал при исполнении. Ехал позавчера в метро и вдруг почувствовал, что какая-то крыса лезет в задний карман брюк. Бориска, как опытный мент, вида не подал, лишь повел глазом на стекло вагона. В отражении, за своей спиной засек небритого типа вульгарного вида, похожего на кота помойно-подвального происхождения. Тип, пользуясь давкой, активно прижимался к Борьке, пытаясь выудить бумажник. Но не на того напал, сволочь. Едва пальцы мерзавца проникли слишком глубоко в карман, Бориска резко развернулся и нанес наглецу разящий удар в область головы. Тот рухнул на пассажиров, ошалело вытаращив испуганные глаза. Борис занес руку для повторной атаки, но тут

почувствовал неладное. В кармане опять кто-то шарил, но, на сей раз, не в заднем, а в переднем. Опустив взор, наш друг обнаружил девочку лет четырех, которая держалась за его карман, как за поручень, ибо больше ей держаться было не за что. Дура-мамаша уткнулась в книгу, не думая о проблемах дочери. Пока Бориска анализировал ситуацию, обиженный напрасно мужик поднялся и адекватно ответил на произвол. Совершенно справедливо, кстати. Если тебе ни с того, ни с сего будут бить в морду, мы никогда не построим демократического общества... Очнулся Борька на конечной станции, где его привел в чувство дежурный по платформе.

Больше ничего выдающего с коллегой не приключалось, если не считать, что его цапнула оса, которую бедолага решил подрессировать во время дежурства.

– Аврал! – горланит Борис, поднимая осевшую пыль, – заложников взяли! Харе тут языками чесать!

– Ты не паникуй так, – отвечаю я, убирая пепельницу еще дальше, – сядь, расскажи спокойно, что стряслось.

– Чего там рассказывать?! Вон, три крали у меня в кабинете белугами ревут. У них мужья – компаньоны, фирму какую то держат, барыги одним словом.

– Точно ли, барыги? – сразу уточняю я, зная предвзятое отношение Укушенного к господам не рабоче-крестьянского облика.

– Точно. Водкой торгуют. Вчера с работы не вернулись. А сегодня женам ихним звонки от неизвестных – просят выкуп, по двадцать пять кусков с носа! Иначе головы по почте пришлем. В посылках. Бабы сюда и прибежали. Кстати, Жора, живут они на твоей территории, тебе и разбираться.

– Враги кем-нибудь представились?

– Конечно. Чеченами.

– И куда деньги нести? – ожил Жора, забыв о личных неприятностях под влиянием общественных.

– К фонтану в парке Победы. В три дня. Стоять и ждать, пока к ним не подойдут. Если денег к трем не будет, в пять девочки получают первую голову.

– Лохи, – заключает опытный Жора, выслушав условия выкупа.

Он прав, мало-мальски уважающий себя вымогатель никогда не просит тащить выкуп на встречу и не будет брать их сам. Грамотные бандиты предлагают оставить денежки в каком-нибудь потаенном месте. А чеченами представляются идиоты со слабо развитым воображением.

– Лохи, не лохи, а коммерсов вызволять придется.

– У жен есть деньги?

– Откуда? Иначе б не прибежали... Хотя, может, и есть, но зачем платить, если мы есть, государственные люди?

– Я не о том, – уточняет Жора, – что мы в сумку зарядим? Не бумагу же.

– Найдем, это мелочи. Сейчас пол второго, времени маловато. Садись, бери с жен заявление, а я с «Тайфуном» договорюсь.

«Тайфун» это маленькое, но гордое внутриведомственное подразделение, помогающее нам иногда обеспечивать правопорядок.

Жора секунду-другую о чем-то сосредоточенно думает, затем переспрашивает.

– Заявление?

– Ну да. Как без заявы? Мы ж не частная лавка. Государство.

– А почему одно заявление? Ведь теток то трое?...

Я уже понял, к чему клонит Жора.

– Если мы возьмем одну заяву, срубим одну палку, а если три?...

– Три палки, – мгновенно ориентируется Укушенный, благо работает не в каком-нибудь НИИ «Охраны труда», а в министерстве внутренних дел, – только тут случай другой. Мужиков

то оптом похитили, и освобождать мы их будем оптом. Один раз. Если б три, тогда другое дело...

Поправив очки, Борька исчезает за дверью. Жора потирает рука об руку.

– Сколько раз надо, столько и будем освобождать, – бормочет он самому себе.

– Жор, – на всякий случай поясняю я, – здесь не катушки лифтовые, а заложники. Миссия невыполнима.

– Херня! – твердо заявляет воспрявший духом Георгий, – Миссия выполняема! Прорвемся!..

* * *

Не буду долго останавливаться на первой части нашего прорыва, она протекала достаточно традиционно. Ровно в назначенный срок дамочки гуртом подошли к фонтану, держа в руках сумки, набитые старыми газетами, и замерли в тревожном ожидании. В трех метрах от них разместился Георгий, повесивший себе на грудь и спину по рекламному щиту китайского ресторана, под которыми укрылся бронежилет. Сэндвич-мен, одним словом. Мы с Бориской не маскировались никак, сидя на скамейке с бутылками пива в руках. (Пиво настоящее). Минуту спустя к женщинам подвалил молодой субъект, так же похожий на чечена, как пингвин на страуса. Предположение Жоры сбылось, злоумышленник не имел практического опыта в похищении людей. Он забрал у жен сумки, даже не заглянув в них, сказал: «Спасибо» и зашагал к выходу из парка. Прошагал ровно три метра, как раз до сэндвич-мена. Жора бесхитростно опустил рекламный щит на непокрытую голову субъекта, отчего тот также бесхитростно упал и забылся. Бойцы «Тайфуна», наблюдавшие за этим из кустов парка, уважительно закивали головами...

В машине молодого человека привели в чувство и экстренно допросили. Друзей-бизнесменов действительно похитили. Но никакие не чечены, а местные районные шалопаи, насмотревшиеся сериалов и новостей из горячих точек. С помощью входившей в банду фотомодели, заманили мужичков в специально снятую квартиру. (Не желаете ли культурно-эротического шоу? А кто ж не желает?) Там связали, попутно попинав ногами. Затем позвонили женам и назначили цену. За выкупом отправили младшего, а сами остались в квартире, дожидаясь наживы. Всего в банде шесть человек, не считая фотомодели, средний возраст членов двадцать лет...

Выходя из парка, Борька заметил ручного верблюда, катавшего публику, и хотел, было, его подзадорить, но я пресек эту попытку на корню...

Сейчас мы приступили ко второй части прорыва, то есть едем освобождать джентльменов, попавших в лапы криминала. Задержанный лежит в багажнике, места в салоне ему не хватило. Автобус с «Тайфуном» весело катит следом, через минут пятнадцать мы будем на месте, а пока есть возможность обсудить дальнейшие действия. Задача сложна, если учитывать Жорину проблему с «палками». Решено «тайфуновцев» в наши планы не посвящать, экстремалы будут работать в темную. В автобусе три взвода бойцов, поделимся на три группы и каждая, с интервалом, в пятнадцать минут возьмет штурмом квартиру и освободит своего заложника. Тут же кидаем жребий. Первым на штурм иду я, затем Борька и последним Жора. Адрес квартиры, где засели бандиты, задержанный назвал с собачьей преданностью в глазах, благо за нашими спинами стоял «Тайфун», бряцая железом и поигрывая резиной. Также рассказал об условном звонке, открывающем заветную дверь. После этого наша основная задача упростилась до ерунды. Лишь бы хватило бензина добраться до места, на месяц для служебного «Жигуля» положено тридцать литров, и лимит исчерпан еще на прошлой неделе. Я не знаю, почему машина сейчас едет, может, сумела адаптироваться и научилась работать без горячего? Иначе б все равно заставили.

Мы подъезжаем на место, отыскивает нужный дом – кирпичную девятиэтажку с типовой планировкой. Квартира на пятом этаже, под окна засаду можно не ставить, вряд ли кто рискнет прыгнуть. Автобус с «Тайфуном» тормозит за углом, мы же, не стесняясь, подъезжаем прямо к подъезду. Я покидаю коллег и в одиночестве иду на разведку. Нахожу дверь и прижимаю чуткое ухо к ее бронированной обшивке. Изнутри льется: «Телится метелица за моим окном», что еще раз говорит о непрофессионализме преступников и о полном отсутствии вкуса. Уверен, в их стане в ходу алкоголь, никотин, фотомодели, а то и наркотики. Тем хуже для них. Отягчающие обстоятельства. Я спускаюсь вниз, кличу первый взвод экстремалов и мы идем в бой.

По силе впечатлений ни с чем невозможно сравнить задержание, проводимое силовыми подразделениями министерства внутренних дел. Голливудский блокбастер «Смерч» – жалкая пародия на наш «Тайфун». Фильм «Вулкан» приближается, но до идеала не дотягивает. Одним словом, сравнивать тут нечего – после смерча гражданин еще кое-как соображает, после «Тайфуна» – нечем. Лично я никак не могу привыкнуть к подобного рода брутальным зрелищам, ибо по натуре гуманист и человеколюб. По крайней мере, прежде чем применить силу, вежливо представляюсь, если, конечно, позволяет оперативная обстановка.

Сейчас я представиться не успел, мои функции свелись к кодовому нажатию звонка и шагу в сторону. Ударная волна «Тайфуна» ворвалась в легкомысленно открытый дверной проем и устремилась вглубь, оставляя после себя абсолютно голое правовое поле. Первым ее поражающий фактор ощутил отомкнувший дверь толстячок, теперь напоминающий жевательную резинку «Бумер», на которую наступили сапогом. Несколько мгновений назад он был еще мужчиной, теперь этот факт вызывает большие сомнения. Я глубоко вздыхаю, отлепляю «Бумера» от пола, прислоняю к коридорной стене, подбираю его зуб и иду дальше.

Все уже кончено. Тому хлопцу, что в коридоре крупно повезло, он прилип к полу, а не к сапогам... Этим же четверым... Хм, хватит лирических отступлений и метафор. Нефиг людей похищать. Кстати, о похищенных. Где вы, друзья?... Друзей я нахожу в спальне, сидящих на полу и прикованных наручниками к батарее. Я поздравляю заложников с освобождением и отстегиваю первого. Он бросается ко мне на шею, едва сдерживая чувства.

– Все позади, дружище, все позади, – успокаиваю я, убирая пистолет за пояс, – милиция Санкт-Петербурга всегда стоит на защите частного капитала.

Заплакать хочется, ей Богу. Заглядывает командир первого взвода.

– Командир, что с братвой делать? В автобус выносить?

Кошмар какой... Выносить...

– погоди, старик, сейчас решим, – я машу сержанту рукой, и мы идем на кухню.

На кухне я выглядываю в окно, поднимаю большой перст вверх, давая понять коллегам, что миссия выполнена, захват осуществлен. Борька довольно кивает в ответ.

– Слушай, старина, – обращаюсь я к сержанту, – братва пусть еще полежит, а ты бери своих бойцов и бегом на проспект. Перекройте движение и ждите нас.

– Понял, – деловито кивает сержант, помня, что приказы не обсуждаются. Перекроить, так перекроить. Поправляет маску и кличет своих.

– Айда, мужики...

Я делаю еще один условный Борiske и возвращаюсь в комнату к заложникам. Братва спокойно лежит в правовом поле и даже не пытается посмотреть в мою сторону.

В спальне отстегнутый коммерс сидит на стуле, растирая затекшую кисть.

– Пойдемте в машину, – зову я его с порога.

Бизнесмен поднимается и двигает к двери.

– А мы?...

– Вас тоже освободят. Обязательно, – твердо гарантирую я оставшимся возле батареи ребятам, прижимая руку к сердцу.

Не, а что еще говорить? Рассказывать про Жорины катушки от лифтов? Могу, конечно, рассказать, не жалко, но... Люди и так в шоковом состоянии, зачем же усугублять? Иногда лучше жевать...

В комнате я строго предупреждаю братву:

– Граждане бандиты, в связи с особой опасностью вашей банды, у меня есть приказ живых в плен не брать. А поэтому лежим тихо, аки мыши. Ясно?!

Ясно. Не Жеглов, конечно, но и они, впрочем, не «Черная кошка». Я ухожу, но, словно, чеширский кот, оставляю им на память свою лукавую улыбку.

На лестнице сталкиваемся с человеком в черном по имени Борис и пятеркой молодых людей в масках. Операция «Захват-два». Отдаем честь и уступаем дорогу. Задача у отряда гораздо проще нашей. Во-первых, дверь уже открыта, во-вторых... Да ладно, чего там считаться по мелочам?

– А куда они? – спрашивает меня освобожденный.

– Работать.

Я не вру. Не знаю, как Бориска, но «Тайфун» работать будет. Не на карнавал приехали. «Телится метелица...»

Выходим на улицу. Толпа зрителей (как всегда). Из автобуса выскакивает одна из женщин и с плачем бросается на шею спасенному нами мужу. Окружающие аплодируют. Я скромно улыбаюсь. Не зря работаем, не зря... Подмигиваю Жоре, поднимая большой палец вверх. Жора подмигивает в ответ.

– А наши где?! Живы?! – сквозь аплодисменты доносятся до меня два потухших голоса.

– Живы, дорогие мои девчонки, живы, – по очереди обнимаю женщин и возвращаю их обратно в автобус, – ждите и обязательно дождетесь.

Подбегает, размахивая жезлом, лейтенант ГИБДД.

– Кто старший?

– Ну, я старший, – высовывается из автобуса Жора.

– Почему перекрыли проспект?

– Сам, что ли не видишь? Заложников освобождаем. У бандитов стволы, а ну по машинам стрельбу устроят?

– Это надолго? А то пробка большая.

– Как получится, братишка... Здесь не ученья, запланировать нельзя.

– Понял, – лейтенант включил рацию, но доложить не успел, отвлеченный криками с пятого этажа.

– Стоять!!! А-а-а!!! Ки-й-й-я!!!

Работает «Тайфун». Как всегда слаженно, быстро, не оставляя врагов никаких шансов на победу. Вылетает разбитое стекло. Собравшиеся зеваки испуганно вскрикивают. Дети режут, бабульки крестятся.

– Спокойно, граждане! – развожу я руки, – ничего страшного (смотря для кого), преступники сопротивляются, приходится применять силу. Народ успокаивается. Из окна квартиры выглядывает довольный Борька.

Молодцы, второго освободили. Наша взяла. Через минуту из подъезда выбегает второй заложник и бросается в объятия любимой супруги (про фотомоделю, мы, как люди порядочные, женам, естественно, не рассказали). Следом выбегают «Тайфуновцы» и напрямую отправляются перекрывать проспект. И, наконец, в проеме возникает усталый Бориска. Без темных очков, представляя на суд публики свой мужественный фонарь. Никаких слов больше не надо, все достаточно красноречиво.

– Ну, теперь, моя очередь, – Жора передергивает затвор «Макарова» и жестом зовет свою пятерку из «Тайфуна» в бой, – поработаем, господа. Берем резко.

Я не знаю, кого они будут брать резко. Я не знаю, как отреагируют на их появление те, кто сейчас в квартире. Я не представляю, как последние будут выполнять команду «стоять», «лежать», «сидеть», как они, вообще что-либо будут выполнять... Я не удивлюсь, если кто-то из похитителей, все-таки вывалится в окно, причем исключительно по собственной воле...

Может, когда-нибудь, где-нибудь, кто-нибудь из членов взятой нами шайки продолжит грабить, воровать, наркоманить или даже свинчивать лифтовые катушки, может кто-то станет олигархом, вором в законе либо выдающимся политиком, но одно могу сказать с уверенностью – похищать людей они не больше не будут никогда. Ни за какие деньги. Человеку, пережившему тройной «Тайфун», это не стоит даже и предлагать.

Борька дразнит ворону. Доиграется, чудак...

* * *

– Хитрые вы, конечно, легавые, с подходцами вашими, но запомните – вирусов у нас на всех хватит!

Жора затолкал кричащего очкарика в камеру и повернул ключ.

– Что это за горлопан? – спросил я.

– Хакер. Лондонский банк шваркнул. Но я его быстро колонул, хоть в компьютерах и хрена не смыслу. Тут ему не Англия.

Жора достал из нагрудного кармана калькулятор.

– Пять тысяч клиентов! Ого!.. Если с каждого по заяве...

– Кстати, а с заложниками чем закончилось?

– Фигово закончилось, – морщится Жора, пряча счетную машинку, – прокуратура дела объединила, в зачет только одна палка пошла. Обидно, напрасно пахали... Да, ладно, прорвемся. Ты случайно не знаешь, как в Лондон звонить?

Миссия выполнима...

Продолжение следует...

Глава 2

- Скажите, где у вас грязное белье?
- Зачем оно вам?
- Порыться.
- Вообще то в ванной, в бачке.

Жора пересекает коридор и заходит в ванную комнату, стилизованную умельцами из ремонтно-строительной бригады под интерьер буддийского храма. Моего друга, впрочем, абсолютно не интересует интерьер, пусть хоть орбитальная станция, было бы грязное белье. Прежде чем рыться в бачке, склоняется над пустой ванной и пристально вглядывается в ее позолоченную эмаль. Я наблюдаю за Жориными манипуляциями через открытую дверь. Хозяйка квартиры, довольно миловидная блондинка, стоит рядом со мной, запахнувшись в шелковый халатик идеального покроя. Жора слюнявит указательный палец, зачем-то проводит им по внутренней поверхности ванны и подносит к бра, висящему рядом с зеркалом. Вероятно, ничего, кроме собственной слюны на пальце не присутствует, коллега вытирает его о брюки и принимается за бачок. Вообще-то это здоровая фарфоровая ваза, куда свалено белье, бачком я обозвал ее по инерции. Как человек аккуратный, и главное, занятой, Георгий не извлекает грязные вещички по очереди, а по простецки переворачивает вазу и вываливает содержимое оптом на расписной кафель. Хозяйка явно огорчена, но виду старается не подавать. Минут пять Жора тасует шмотки по полу, наконец, выдергивает из кучи спортивные брюки малоизвестной фирмы.

- Это мужа? – прищутив глаз на манер Коломбо, спрашивает он у хозяйки.
- Разумеется, не мои.
- Прекрасно.

Георгий выворачивает карманы, извлекает сморщенный носовой платок, фантик от «Орбита» и какую-то маленькую бумажку, по всей видимости, магазинный чек. Все, кроме бумажки летит обратно в кучу, чек же коллега нежно разглаживает на ладони, как дети разглаживают найденные красивые фантики.

- Так, когда пропал ваш супруг? – звучит очередной вопрос из ванной комнаты.

– Боже ты мой, я уже в сотый раз повторяю, он ушел двадцать второго числа, примерно в одиннадцать вечера.

- И больше не возвращался?
- Вы что, издеваетесь?

Жора выходит из ванной комнаты с видом римского императора, разгромившего очередную команду варваров.

- Это вы издеваетесь, гражданочка Мордолобова.
- Мудролюбова, – уточняю я.

– Не суть. Вы нам уже битую неделю доказываете, что муженек ушел вечером двадцать второго, с тех пор не появлялся и не звонил, а вы ждали его ни на минуту не выходя из дома. Верно?

– Да! – нервно огрызается хозяйка, – да! Вы зачем сюда пришли, нервы мне мотать? В гроб меня загнать хотите?

- Рано или поздно все там будем, – успокаиваю я бедную женщину.

– Отлично, – констатирует Георгий, прикладывая указательный палец к щеке (ну вылитый Коломбо, сигары не хватает и стеклянного глаза), – объясните мне тогда, пожалуйста, уважаемая, откуда в его штанах чек ТОО «Носорог» от двадцать четвертого числа на сумму двадцать пять рублей, пятьдесят копеек?

Хозяйка, чиркнувшая за секунду до вопроса зажигалкой, так и замирает с огнем в руке и сигаретой во рту. Я задуваю огонек, чтоб сэкономить ей газ.

– Ведь вы ни на минуту не покидали квартиру. Как же вы не заметили любимого мужа, который бросил в корзину спортивные штаны, а то и принял душ? Или, все-таки, это не его штаны? Пальчики, держащие зажигалку, начинают дрожать, подведенные глазки бегать, а язычок заплетаться.

– Я... Я буду жаловаться... Мне нужен адво...

– Кат, – заканчиваю я.

– Да, спасибо, – соглашается она.

– А причем здесь адвокат? – разводит руками Георгий, – он понадобится, когда вам предъявят обвинение, а пока вы никто. Помилуйте, Валерия Павловна, я вас в чем-то обвиняю? Я вам задал вполне логичный вопрос и жду на него вразумительного ответа. Ведь не я заявил в милицию о пропаже мужа. И не он вот. Я просто занимаюсь своим делом.

Валерия Павловна, наконец, прикуривает.

– Какое еще обвинение мне предъявят?

– Ну, мало ли... По нынешней жизни, любого можно в чем-то обвинить. Например, в торговле наркотиками или в убийстве супруга...

Пока Жора приводит в чувство рухнувшую в обморок Валерию Павловну, я в двух словах объясню, в чем, собственно, дело, и зачем мы сюда притащились, если еще кто-то не понял. Неделию назад в наш отдел позвонила гражданка Мудролюбова и встревоженно-прокурным голосом прохрипела, что у нее пропал единственный муж. Свалил вечером за пивом в соседний ларек и вот уже как три дня не возвращается. Дама обзвонила больницы и морги, друзей-знакомых и, убедившись, что самой ей мужа не найти, обратилась в компетентные органы. Компетентный участковый инспектор Вася Рогов прогулялся к даме домой, принял заявление, метнул его в книгу происшествий, где оно хорошенько промариновалось, пока не попало к Жоре, на территории которого жил «потеряшка». За прошедшие трое суток последний не объявился, и Георгий, как всегда энергично принялся за поиски. Прежде всего, навел о нем справочки. «Пропавший» не относился к миру «проклятьем заклеянных», а возглавлял коммерческую структуру «Торговый дом „Погребок“», снабжавшую горожан винно-водочными продуктами. Со всеми вытекающими отсюда ужасными последствиями. Ибо рынок винно-водочных изделий постоянно находится в стадии брожения, это вам не картошки накопать. Мочить-не-перемочить, сажать-не-пересажать. Заморочек у пропавшего президента было, вероятно, в изобилии, посему он переписал часть личного имущества и жилплощадь на дорогую супругу. Теперь судебные или налоговые органы, в случае чего, не смогли бы наложить когтистую лапу на барахло президента торгового дома, а завистники перестали бы распускать сплетни про жизнь не по средствам. Именно данный факт насторожил подозрительного Георгия, и он решил повнимательней осмотреть жилье пропавшего супруга Валерии Павловны, для чего взял с собой и меня. У меня своих проблем по глотку, но отказать напарнику я не смог. Семейство хозяина «Погребка» гнездились в высотном особняке с индивидуальной планировкой квартир. Консьержка, спящая внизу за пуленепробиваемым стеклом, проснувшись, с плохо скрываемой неохотой сообщила, что Валерия Павловна с супругом живут душа в душу, хотя иногда и бьют друг другу морды, в основном, по выходным. Но это дело семейное, можно сказать, обыкновенное, главное, не стреляют, а сломанный нос заживает достаточно быстро. Совместных детишек не нажито, но у Мишеньки где-то есть сынок от первого брака, иногда заходящий на чай с вареньем. Валерия Павловна впустила нас без малейших возражений и еще раз повторила свой скорбный рассказ про пиво и, ушедшего за ним, супруга. Жора внимательно обследовал комнаты Михаила, так звали «потеряшку», особо скрупулезно осмотрел кухню, в том числе холодильник, ничего относящегося к делу не нашел, после чего задал вопрос о

грязном белье. Дальнейшее произошло на ваших глазах. Ну вот, хозяйка уже очнулась, можно работать дальше.

– Я буду жаловаться в прокура...

– Туру, – снова выручаю я.

– Да...

– Это, пожалуйста, – улыбается Георгий, – пойдем вместе. Там крайне заинтересуются, как вы проглядели драгоценного мужа. Хата у вас, конечно большая, заблудится можно, но Михаил Андреевич, извиняюсь, тоже не таракан...

– Кстати, Валерия Павловна, – встаю я на сторону друга, – в заявлении вы указали, что Миша как раз и ушел в спортивном костюме...

– У него много костюмов, – хозяйка окончательно пришла в себя и могла стоять, не опираясь о стену, – вон в шкафу еще три пары. Он любил спорт.

– Любит, – мягко поправляет Георгий.

– Ну, да, конечно... Любит.

– Так что же все-таки с чеком?

– Я вспомнила... Как раз двадцать четвертого я выскакивала в универсам на пол часика, купила пельмени. Мне же надо что-то есть?

– Само собой, – киваем мы хором.

– Миша мог зайти, переодеться и уйти снова.

– О-о-о-о-о-о..., – протягиваем мы в унисон, – это не серьезно. Либо муж потерялся, либо мы валяем дурака. Пропавшие без вести граждане не возвращаются, чтобы переодеть штаны. – Но его нигде нет!

– Советуем тщательней разобраться в своих семейных отношениях. Честь имеем.

На лице хозяйки налет растерянности вперемежку с красными пятнами.

– Постойте... Вы что, не будете искать Мишу?

– Трудно искать негра в темной комнате, особенно когда он беззубый, – уверенно отвечает Георгий, – где у вас дверь?

– Но... Но если он не вернется? Что мне делать?

– Еще раз сходить за пельменями. Всего доброго.

Возле стеклянной будки я притормаживаю, предложив разбудить консьержку и уточнить у нее про двадцать четвертое число.

– Я тебя не узнаю, старина, – Георгий тарашится на меня, как тренер на игрока, промазавшего с линии ворот, – ты тоже поверил? Да это мой чек. Сигареты покупал.

– Да как раз это я понял, не лох, – парирую я, – на какие шиши ты такие дорогие сигареты куришь?

– У тещи выманил. Сказал, приказ пришел – патроны за свой счет покупать. Червонец штука. Вот стоху отстегнула...

Мы выходим из подъезда, неспешно минуем двор и выходим на правительственную трассу, пролегающую в здешних местах.

– И на хрена ты бедную женщину в блудняк ввел? – возвращаюсь я к недавним событиям.

– Реакцию хотел посмотреть. Легкий следственный эксперимент.

Узнаю друга. Это Жорин метод. Сегодняшний случай не самый крутой в его практике. В прошлом году в подъезде нашли пенсионера с пробитой головой и вывернутыми карманами. Пенсионера, увы, уже мертвого. Следователь прокуратуры осмотрел место происшествия и поднялся в квартиру, дабы допросить внучку, с которой проживал старичок. Допрос протекал в комнате убиенного, где следак обратил внимание на клочок бумажки, валявшийся под столом. Развернув ее, он прочел надпись, сделанную корявым дедушкиным почерком: «В моей смерти прошу венить Лелю». Лелей звали внучку, которая тут же грохнулась со стула. Следователь был менее впечатлительным и оприходовал Лелю в ИВС на трое суток по подозрению в убийстве

родного деда. В чем она и призналась на семьдесят первом часу пребывания в камере. Мочила, правда, не она, а бойфренд, молодой бездельник из соседнего двора. Мешал им дедушка дружить, занимая лишние десять квадратных метров. Ворчливый был, все работать заставлял, а пенсией не делился. Вот они и сговорились сжить его со свету. Но не получилось. При чем здесь Жора? В общем, то не причем, просто он до сих пор не может ликвидировать неграмотность среди себя, а поэтому как слышит, так и пишет. И вдобавок, канцелярский язык. Он бы еще написал: «Моя внучка совершила в отношении меня преступление, предусмотренное статьей 105 УК РФ, прошу возбудить по данному факту уголовное дело». Ну, какой нормальный человек стал бы царапать в записке «прашу венить». Изложил бы мысль проще: «Меня замочила Леля». Я указал Жоре на недостатки, на что он зашипел в ответ.

– А как иначе? У нее ж, сучки, все на лбу написано. Сидит, лыбится, только что хип-хоп от счастья не танцует. Бедный дедушка, бедный дедушка, ах как жалко, ах как жалко... А сама уже прикидывает, как мебель переставить. Койку в Саблино ты у меня переставлять будешь.

– Я не о том, Жор... Над грамматикой работать надо...

Короче, как вы поняли, Георгий подходит к делу творчески, можно даже сказать не ординарно, полностью игнорируя устоявшиеся методы работы органов с населением. Я не всегда занимаю его сторону, и мы частенько ведем философские споры.

– С Мудролюбовой ты перегнул. Муж то у нее действительно пропал. И судя по всему, с концами. Точнее, с концом. Нас могут опять обвинить в беспределе.

– Беспредел?! – гневно дышит мне в лицо Георгий, – да ты видал, как она заерзала?! Пельмени, пельмени... Да тут младенцу понятно, что сама его и пришила. Или на пару с хахалем. Денежки и барахло теперь ее. А по моргам и милициям звонит для обставы, дешевка...

Я улавливаю характерный аромат «Мартини». Еще час назад ничего подобного Жора не источал. Теперь ясно, зачем он так дотошно исследовал холодильник... Напарник прикуривает дорогую сигарету и продолжает выступление.

– Беспредел... Ты лучше меня знаешь, если идти на поводу у каждой буковки нашего потешного закона, хрен найдешь даже штопанные носки, украденные с бельевого веревки! Миссия невыполнима. У нас одни статьи взаимно исключают другие! Вот представь врача, к которому привозят тяжело раненного и говорят: «Спасай! Только у нас лекарств нет, а из инструментов одна лопата». Врач как может, но помощь окажет, даже лопатой, и никто его беспредельщиком при этом не назовет. Помер больной, не помер... А когда я вместо нормального инструмента беру лопату, все сразу вопят – беспредел, беспредел! Потом, над врачом никто не стоит, а у меня куча командиров и всем показатели подавай!

– Так шел бы во врачи.

– Харизмой не вышел...

Судя по предыдущему демаршу напарника, «Мартини» в холодильнике Мудролюбовой было много. После маленькой порции спиртного, Жора бичует язвы общества не так активно. Но, если честно, сермяжная правда в сказанным им только что словах есть...

– Ты где успел надраться, харизма?

– А покойника надо помянуть? Я что, по-твоему, нехристь?

Покойник, вероятно, Мудролюбов. Жора заглядывается на едушую в иномарке девчонку и прекращает полемику.

– И чего ты с нашей Валерией Павловной собираешься делать? – я возвращаю его к рабочей теме.

– Труп мужа надо искать. Без трупа даже не стоит пытаться колоть. Нет трупа – нет убийства. Но я знаю, где он.

– Брось ты! Откуда?!

– Я, в отличие от некоторых, не на хозяйкин халатик пиялился, а квартиру внимательно осматривал. И кое-что выглядел.

– Ногу, что ль, отрезанную?

– Нет, не ногу... Там в ванной, в самом дальнем углу, мешок с цементом, а кафель на полу свежееукладенный. Швы новенькие, только застыли. И чистенькие, как после «Комета». Я, думаешь, только в белье копался? Под кафелем труп. В полу. Зуб даю! – Голос напарника, несмотря на «Мартини», тверд, как зрелый грецкий орех. – Плохо, крови нигде не заметил, хотя если его придушили кушачком от халатика, то крови и не будет.

– Прятать покойника у себя в хате? – возражаю я, – это не эстетично. Запах, насекомые... Опять таки по суеверным причинам.

– А куда его еще девать? Из хаты не вытащишь, внизу тетка на вахте сечет, охранники по двору ползают. А цементик и запахи проглотит, и червячков и, тем более, суеверия.

Мы сворачиваем с правительственной трассы на заброшенную улочку и через минут пять швартуемся возле родного отдела, огороженного высоким забором с незатейливыми рисунками и надписями, типа «Скажи наркотикам – нет!». Вдоль забора фланирует постовой Егоров, отпугивая любителей рисования автоматическим оружием и матерными выражениями, в которых необыкновенно силен. В дверях сталкиваемся с представителем южных народов, сержантом Гасановым по прозвищу Снегурочка. Он борется с преступностью, занимая должность завхоза. Внешне Гасанов похож на Лучано Паворотти, только талия раза в два пошире, да лысина попросторней. Мужик он не злой, хотя и жадный, и мы с ним не конфликтуем. Перед Новым годом Шишкин велел найти двух добровольцев – поздравлять детей сотрудников в образах Деда Мороза и Снегурки. С Дедом проблем не возникло, подписался любитель халявной выпивки Вася Рогов, но Снегурка, это, извините, нонсенс. Потом всю жизнь не отмоешься от голубой краски. Единственная женщина в отделе – секретарша Зинаида, дама пенсионного возраста на Снегурочку походила, как Жора на буддийского монаха. Поздравление могло сорваться, но выручил Гасанов, не боявшийся насмешек, связанных с размытыми границами сексуальной ориентации. Усы, правда, сбрить отказался. Парочка получилась улетная. Дедушка Мороз, ростом метр шестьдесят, с вечно красным клювом и запашком изо рта, внученька с усами и характерным, неистребимым акцентом... А когда, после пятого поздравления Вася передвигаться самостоятельно уже не мог, Гасанычу пришлось взять его миссию на себя. «Зыдыравствуйте, что, не жидали, да?» В одном адресе, действительно не ждали, ошиблись мужички дверью. Но хозяйку быстро откачали, даже «Скорая» не успела приехать...

– Билеты лотерейные покупаем, да? – Гасаныч протягивает нам пачку, – юбилейные, ко дню милиции.

– Обалдел? – возмущается Георгий, – до дня милиции пол года.

– Началство саказало, кито не возьмет добровольно, тому их в зарплату выдадут. Вместо дэнег.

– И сколько брать надо?

– Не меньше пяти. По червонцу.

– Мы с министерством в азартные игры не играем.

– Зато оно сы вами сыграет...

– Ты б лучше душ починил, второй год сломан. А у меня обильное потоотделение, – Георгий демонстрирует темные пятна подмышками, – стыдно людей принимать.

– А сауну с бассейном тэбе нэ надо?

– У соседей, между прочим, не только сауна, но и тренажерный зал.

– У соседей работают люди, которые умеют решать вопросы, – без акцента отвечает Гасаныч и направляется к гаражу.

Закуток, где раньше был душ, мы теперь используем в качестве камеры, которую называем скрытой. Желаящим не всегда хватает места в основной, при дежурной части. Жора кивком приглашает меня в свой кабинет. Укушенный куда-то смылся, кабинет пуст.

– В общем, братишка, – Жора скидывает ботинки и вытягивает ноги, – пол ломать надо. Но прежде как то вдову выманить и ключи раздобыть. Ты это на себя и возьмешь.

– Какую вдову?

– Как, какую? Мордолюбову. И вдовой она стала на собственных глазах.

– Ты чего, пол втихаря ломать собрался?

– А кто ж открыто даст?

Георгий, как всегда прав. Открыто не дадут, причем дело даже не в прокурорской санкции на обыск, ее то, как раз, получить не сложно. Дело в деле. Уголовном. Чтоб получить санкцию, надо возбудить уголовное дело по факту убийства. «Глухое», естественно, дело. А кто ж даст показатели портить? Начальство фантазиями не страдает и рассуждает трезво. «Ты, что, милый? Какое убийство? Да твой пропавший у шмары какой-нибудь дохнет или от бандитов бегают, а ты – убийство! Вот найдешь труп, тогда и возбудим! Если мы по каждому потеряхе будем убийства возбуждать, нас обзовут криминальной столицей мира!» Придется, как говорит Жора, лопатой, вместо скальпеля...

– А ключи? – вновь пристаю я, – как прикажешь ключи раздобыть?

– Способов много, надо просто выбрать оптимальный. Можно, например, вызвать Мордолюбову сюда, под благовидным предлогом обшмонать и изъять ключи. После ты с ней часок, другой покалякаешь, мне и хватит.

– Какой еще благовидный предлог? Валерия Павловна, мы подозреваем, что у вас в сумочке героин, извольте показать...

– Ну, почему, героин?... Можно патроны...

– Сам обыскивай. Покалякать, я с ней покалякаю, хотя не знаю о чем, но в сумку не полезу.

– Хорошо, есть другой вариант. Просто посадить ее на три часа в скрытую камеру. Вон, науськать Егорова, а он к мертвому прицепиться может.

Слово «прицепиться» было сказано Жорой в иной, более народной вариации, я слегка сглаживаю острые углы...

– Пойдет вдова снова за пельменями, а Егоров к ней и прицепится. А пока она в камере за мелкое хулиганство или неповиновение сидит, я полик в ванной и вскрою.

– Такую женщину в камеру? Как ты можешь, Георгий?

– Она мне не женщина, она – подозреваемая.

– А консьержка? Ее тоже в камеру?

– Да она дрыхнет без просыху!

Жора, вероятно, хотел сказать «беспробудно».

– Хотя мне по душе первый способ. Короче, давай на завтра планируй. Вызывай часикам к четверем. Скажи, нашли несколько трупов, хотим показать, вдруг мужа признаете. А потом по обстановке. Главное, ключи вымани и сразу мне передай. Кстати, ломика у тебя нет?

– Валяется какой-то за сейфом, с кражи изъятый.

– Отлично, – Жора вставляет ноги в ботинки и потирает ладонями, – люблю, когда пиво правильное.

– Слушай, Жор, – пиво то, пивом, а если мужа под полом не окажется?

– Да, где ж ему быть, красавчику нашему?!

– Хочешь умный совет? Сгоняй к Самоделкину, у него приборчик есть специальный – покойников искать.

Самоделкин – наш старший эксперт. Как вы понимаете, это не настоящая фамилия, а псевдоним, придуманный товарищами по оружию. За то, что тот все делает сам. Не от хорошей жизни, естественно. Фирменное оборудование, привезенное в экспертный отдел сразу после Великой Отечественной, поизносилось, другого нет, а экспертизы проводить надо. Вот и приходится самому изобретать и мастерить агрегаты из подручных материалов. Упомяну-

тый приборчик по обнаружению спрятанных покойников слеплен из старого автомобильного термостата, вольтметра, извиняюсь, презерватива с каким-то газом и двух батареек. Все это запаковано в пластмассовую коробочку из-под мороженого «Валио». Самodelкин авторитетно клянется, что если покойник притаился в метре от его прибора, вольтметр оперативно отреагирует. Лично у меня возможности испытать гениальное изобретение в деле еще не было, но в руках держать доводилось. В кабинет возвращается усталый Укушенный, наверно с заявки, он сегодня дежурит. Бросает на стол папку и плюхается на стул.

– Чего, Борь, заявочка приключилась?

– Куда нас только не вызывают, – Борька достает из дежурной папки пивную бутылку и делает жадный глоток, – бабка, семьдесят четыре года, залезла на крышу. Сброситься захотела.

– Зачем?

– Неразделенная любовь.

– Что ж не сбросилась?

– Передумала, а обратно с крыши слезть не может. И давай на весь двор орать – снимите, снимите...

– Сняли?

– Не знаю, пускай с ней пожарные со спасателями разбираются, да психушка. Розыску там делать нечего.

* * *

– Между прочим, когда от Агаты Кристи ушел муж, она стала писать детективные книжки особенно активно, чтобы не сойти с ума. И неплохо, надо сказать, получалось.

– Слушайте, какое мне дело до Агаты Кристи?! Пускай она пишет, что хочет. Я лично не собираюсь с ума сходить.

– Попробуйте, вдруг тоже выйдет.

– Вы что, издеваетесь?

Я не издеваюсь. Хотя, по вине этого кладоискателя Жоры и выгляжу со стороны круглым идиотом. Я тяну время, словно команда, играющая на удержание счета. Выигрываю драгоценные секунды, минуты, и часы. Надеюсь, не придется выигрывать сутки. Тогда я буду выглядеть идиотом квадратным. Жоры, между прочим, нет уже пять часов, вместо обещанного одного. Он сейчас там, в хате. Простукивает стены и потолок в поисках трупа Мудролюбова, пока я здесь отвлекаю Валерию Павловну глубокомысленными разговорами. Вызывал ее тоже я. Как и планировалось, якобы предъявить для опознания фотографии покойников. Вдруг, дескать, узнает. Валерия Павловна согласилась с неохотой, заявив, что боится мертвых. Я успокоил, сказав, что бояться надо живых. Фотографий я приготовил штук сто, на редкость живеньких, надергав их из старых оперативно-поисковых дел. Задачей номер два было извлечь ключи из ее сумочки и незаметно передать Жорику. Внагляк, под видом обыска, мы действовать не стали, посчитав, что интеллигентные люди должны пользоваться простыми, но интеллигентными методами. Когда Валерия Павловна ознакомилась с моей маленькой фотоколлекцией, в которой она, естественно, никого не признала, я предложил ей дактилоскопироваться. То есть оставить у нас свои отпечатки пальчиков.

– Это еще зачем?! – гневно воскликнула Мудролюбова.

– Спокойно, – усадил я ее обратно на стул, – спокойно. Вы хотите, чтобы ваш муж нашелся?

– Не задавайте глупых вопросов!

– Не такой уж он и глупый. То есть, хотите. А раз хотите, давайте сюда пальчики.

С моей точки зрения, ассоциативно-логическая цепочка вполне прочна. Пальчики – ключи – Жора – найденный муж. Но если, как в классических детективах, выкинуть промежу-

точные звенья, получится сюр, вызывающий негативную реакцию... Когда я мазал ладошки Валерии Павловны типографской гуашью, в дверь кабинета заглянул Укушенный и, оценив сцену, ляпнул:

– Ты ей лучше морду намажь!

Не знаю, зачем он это произнес. Может, с подозреваемой перепутал, а может, пошутил. Что с Укушенного взять? Сам мент, и шутки у него ментовские... Пока Валерия Павловна отскабливала в нашей душевой гуашь, Жора умыкнул ключики из оставленной в кабинете сумочки, сунул подмышку приборчик Самоделкина и черным стрижом упорхнул из отдела. До сих пор не вернулся. Первый час я выпытывал у Мудролюбовой, во что был одет пропавший супруг. С микроскопическими подробностями. Розыск – дело точное, приблизительности не терпит. Затем перешел к обстоятельствам исчезновения, почти поминутно заставив даму вспомнить тот злополучный день. Следующий час ушел на выяснение возможных мотивов исчезновения. В обычном режиме указанный выше процесс занимает в среднем от минуты до трех, поэтому мировая общественность должна по заслугам оценить мой титанический труд. Когда с мотивами покончили, перешли к лирике – жизненный и трудовой путь, отношения к людям, увлечения, вредные привычки и прочая лабуда. Смеркалось. Я предложил Валерии Павловне майского чайку, но, увидев мой чайник, она отказалась. Разговор надо было продолжать, не щадя языка своего. В ход пошли жизненные примеры и знания, почерпнутые из периодической печати. Агата Кристи, Сара Бернар, Клеопатра... Нет, вы не подумайте, что мне не о чем поговорить с дамой. Однажды я мариновал свидетельницу трое суток, без сна и отдыха, подкармливая ее пирожками из ларька, пока она, наконец, не вспомнила все что надо. Выйдя, дама помчалась к адвокату, но тот, не врубившись в тему, ее успокоил: «Трое суток? Да, к сожалению, по закону, они это могут». Для тех, кто не понял, повторяю – дама была свидетельницей, а не подозреваемой. Но сейчас случай иной. Гад Жорик обещал час, я на час и настраивался... Блин, что он там завис? «Пентиум» недоделанный. Хоть бы позвонил.

– Видите ли, Валерия Павловна, – продолжаю я, – мы, сыщики, чужую беду принимаем, как свою. А вы хотите, чтоб мы формально, пять минут с вами побеседовали и разбежались?

Подобного бреда я не несу даже на оперативных совещаниях в Главке, где бред, как таковой, является делом обычным.

– Я могу идти домой? Или вы мне будете дальше голову морочить?

– Конечно, можете. Но давайте поподробней вспомним еще один Момент, э-э-э... (Сволочь, Жора!). От вашего дома, э-э-э, до ларька, где он покупал пиво, э-э-э, ровно сто пятнадцать метров. Так?

– Не знаю, не мерил.

– Зато мы померили, э-э-э. И, как вы утверждаете, Михаил Андреевич ходил к ларьку постоянно?

– Ну и что?

– Значит, э-э-э, продавец его знает в лицо?

– Может и знает.

– Почему же он утверждает, э-э-э, что в тот вечер не видел Михаила Андреевича?

– Господи, значит, Миша просто не дошел. Послушайте, я торчу здесь уже семь часов (Врет! У меня тоже хронометр есть.) и слушаю всякую чепуху. Лучше б я дома сидела, может, Миша звонил! Я, в конце концов, могу идти?

– Идите! Только у меня к вам последний вопрос. Сколько фонарей стоит на данном промежутке, э-э-э, и сколько из них разбито?

– Не считала, э-э-э.

– Зато мы посчи...

Ну, наконец-то!.. Прибыл, землекоп. Добрый вечер, Георгий, добрый вечер Победоносец. Что вы какой-то не радостный? Будто неделю пива не пили... Друга окружает густой аромат.

Не сомневаюсь, что вы догадались, какой. «Мартини» сложно не признать. Георгий, не здороваясь с Валерией Павловной, проходит в дальний угол кабинета, падает на стул и, насупившись, начинает уничтожать нас взглядом. Я, зная эту особенность Жориного поведения, понимаю, что клада он не нашел. Но, в любом случае, миссия моя окончена, осталось вернуть в сумочку ключи и отпустить госпожу Мудролюбову с миром. Вернуть ключи... Легко сказать. Валерия Павловна прижала сумочку к своей плоской груди, как алкаш утреннюю бутылку пива. Клещами не вырвешь. Я мигаю Жоре, подкинь ключи на пол, мол, сама обронила, но Жора, похоже, ушел в астрал и на происходящую действительность не реагирует. Хоть гранату взрывай.

– Валерия Павловна, видите ли...

Черт, как бы, потоньше...

– Видите ли... Нам надо вас еще раз дактилоскопировать...

Жалко, здесь нет какого-нибудь кинорежиссера, зафиксировать непередаваемую словами мимику Валерии Павловны. Главная роль в Голливуде была бы у нее в кармане. Куда там Мерил Стрип до Мудролюбовой. Личико у нашей гостьи сначала свело, потом развело, потом... Нет, не буду даже пытаться...

– За... Зачем?

– Это не наши капризы, Валерия Павловна. Эксперты требуют два экземпляра, а у нас ксерокс сломался. Извините, я вас сразу не предупредил, запоматовал...

Поверьте, я, в отличие от напарника, не пьян, даже не прикладывался. И не болен, температуру с утра мерил. Но что прикажите Мордолюбовой грузить? Не дав Валерии Павловне опомниться и обдумать ответ, я хватаю ее руку и пускаю в ход валик, пропитанный гуашью. Заглядывает Укушенный.

– Заткнись!!!

Укушенный уходит. Пока Мордо..., тьфу ты, Мудролюбова не вышла из предобморочного состояния, шлепаю ее ладони о лист бумаги и гоню в душевую.

– Вот и все, а вы боялись... Бегом в душ, и домой.

Благодаря раздолбайству завхоза Гасаныча, горячей воды в душе нет, а холодной типографская гуашь отмывается скверно, но, главное, долго. Оставив Валерию Павловну в умывальной, рысью мчусь назад, в кабинет. Жора как сидел, так и сидит в клине.

– Где ключи?

– Что?... Ка... Какие ключи?

– От хаты Мордолюбовской, идиот!

Жора не отвечает. Я охлопываю его карманы, нахожу ключи, возвращаю их в сумочку и лечу назад, в душевую.

– Вы забыли, вот, пожалуйста, – я протягиваю даме сумочку, улыбаясь, как можно естественнее, – До свидания. Мужа будем искать. Вы свободны.

По дороге в кабинет пытаюсь вспомнить самые изысканные, самые превосходные ругательные обороты родного языка, но придя, пользуясь самыми распространенными, но доходчивыми. (Опускаю). Выпустив пар, спрашиваю:

– Нашел?

– Кого?

– Покойника!

– Н-нет.

– А чего ж ты там пять часов делал?!

– Искал... Я убью этого Самоделкина...

* * *

Начальнику ГУВД Санкт-Петербурга.

Копия: генеральному прокурору Российской Федерации от гр-ки
Мудролюбовой В.П.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Срочно прошу принять меры к розыску маньяка, учинившего акт вандализма и глумления над моей квартирой и укравшего мои личные вещи на сумму 200 000 долларов США. 21 мая с.г. я была вызвана в районный отдел внутренних дел по поводу дачи показаний о своем пропавшем без вести муже – Мудролюбове Михаиле Андреевиче. Вернувшись из милиции, где безо всяких оснований пробыла около восьми с лишним часов, я застала ужасную картину. Полы на кухне и во всех комнатах были полностью вскрыты. Также вскрыт кафель в ванной комнате и приведена в негодность только что поставленная система подогрева полов, стоимостью пять тысяч долларов. Разбиты арочные конструкции в коридорах, в результате чего рухнули подвесные потолки. Часть стены в спальне обвалена. Разбит унитаз и старинная китайская ваза, стоявшая в туалете. В гостиной безобразным образом сорваны немецкие обои и выведена из строя импортная электропроводка. Там же я нашла не принадлежащую мне коробку из-под мороженого «Валио» с каким-то устройством, напоминающим самодельную бомбу. Подозреваю, что квартиру пытались взорвать, а когда это не удалось, устроили погром. Входная дверь не повреждена, консьержка на вахте никого не видела. Коробку из-под мороженого и список украденного на десяти листах прилагаю к заявлению.

Мудролюбова В.П. Подпись.

P.S. Розыск моего мужа прошу прекратить, в связи с его возвращением.

Подпись.

* * *

– Мне пива, маленькую.

– А мне «Мартини», хотя...

Жора копается в недрах своего потрепанного бумажника, звеня мелочью, после надсадно вздыхает и уточняет.

– Тоже пиво.

Взяв по бокалу, присаживаемся под зонтик, установленный рядом с кабачком.

– Я окончательно разочаровался в людях, – заявляет Георгий, обмокнув усы в пену, – это больно признать, но, увы... Говеное пиво.

– Ты разочаровался во всех сразу? Или в конкретных персонах?

– Послушай... Что от меня требовалось? Найти Мордолюбова. Так?

– Так.

– Я его нашел. Так?

– Ну, в общем, так.

– Живого и здорового. А меня, вместо того, чтоб сказать спасибо, обвиняют в воровстве, будто я рецидивист какой! Двести тысяч баксов! Это справедливо?! Да я там копейки пога-

ной не взял! Хату, да, попортил немножко, но опять таки, не со зла, а из-за этого очумельца Самоделкина! Его эта хренотень в коробочке все время зашкаливала! Но к брюликам и шубам собольим я пальцем не притрагивался!

– Лично тебя пока ни в чем не обвиняют. Она про маньяка пишет.

– Но был то там я! Значит это удар по моему имиджу!

– Имиджу, – поправляю я.

Жора, судя по молниям во взгляде, действительно оскорблен до обиды. В том, что он прихватил на память Мудролюбовское барахлишко, я глубоко сомневаюсь. Иначе сейчас он все-таки заказал бы «Мартини». Но даже не по этому. Жора ментовской крови, пусть немного и разбавленной этиловым спиртом, но ментовской. Не возьмет рубль, не позарится и на миллиард. «Мартини» не в счет.

– А кстати, где муженек то был?

– Да пес его знает... Важен итог. Есть у меня, правда, мыслишка. У него срок по долгам подходил, вот он и нырнул под корягу, а женку заставил вой поднять, мол, пропал без вести.

– Да, но это не избавит от долгов. Не всю же жизнь потеряшкой считаться?

– А кто знает, что будет через год? Или ишак, или эмир...

– Тоже верно.

– А вдова, наверняка, как от нас вернулась, так ему и позвонила в подполье. Приезжай, у нас тут, хм... Нет, не сразу позвонила. Сначала барахлишко свое припрятала... Жили то они без любви, на булавки он ей лишний раз не давал, вот она и воспользовалась моментом, зараза. А на меня свалила.

– Она уже не вдова, – защищаю я Мудролюбову.

– Досадно, кстати. Такая красивая версия обломалась. А Михайло Андреич, как про беду услышал, пулей примчался, забыл и про долги. Вахтерке по роже заехал, что проспала бандитов. Кстати, заяву с нее надо взять. Палочку срубим по хулиганству.

Жора двумя глотками осушает бокал.

– Дерьмовое пиво. Короче, вывод такой, чем больше людям добра делаешь, все равно – дурак.

Вывод очень правильный, если не грамматически, то, по крайней мере, лексически. Что, несомненно, важнее. Особенно, если учесть, что в дураках остался не Жора, а ты. В смысле я. Дело даже не в потраченном на Валерию Павловну времени, не в потерянном при этом положительном образе сотрудника милиции и нервных клетках. На такие пустяки я давным-давно не обращаю внимания. Дело в «фомиче» – ломике, забытым дорогим Георгием в Мудролюбовских апартаментах. «Фомич», как я говорил, изъят у одного ворюги, изъят лично мной, изъят официально, с соблюдением всяких там формальностей. То есть на бирке, приклеенной к ломике именно моя родная фамилия и мой, не менее родной, автограф. И хотя, Жора божится, что фомка провалилась за батарею, и ее не найдут, чувствую я себя как-то неуютно. Опасаюсь за имидж, тьфу ты, имидж. Единственный выход – снова вызывать Мудролюбову, теперь уже с мужем, дактилоскопировать обоих, тырить ключи и бежать к ним в хату за «фомичом». А что делать? Ждать, когда ломик найдется? А он, блин, рано или поздно, найдется... Вывод ясен?

Глава 3

Как утверждал великий пролетарский писатель Горький, лицо – зеркало души. Но познаюсь Алексей Максимович с Жорой, он бы подобного не заявил. Да, иногда состояние души Георгия по выражению лица угадать не сложно. Но бывают моменты, когда, посмотрев на моего друга, сразу и не поймешь, то ли женился, то ли зарезал кого. Такая, вот, в глазах бездонная глубина. Не донырнешь. Впрочем, для сыщика высокого класса, каковым Георгий является, это, несомненно, достоинство.

Вот с таким замутненным зеркалом души и заглядывает ко мне коллега в настоящую секунду. Времени – десять утра по Москве, только что закончилась сходка у Шишкина, где шеф ознакомил нас с происшествиями за прошедшие сутки и снял стружку за леность и нерадивость. Последнее он делает всегда, мы привыкли, не спорим и не оправдываемся. Жора плотно прикрывает за собой дверь, присаживается и, помявшись секунду-другую, задумчиво начинает:

– Слушай-ка, Андрюхин, тут такое дело...

– Сколько?

– Чего, сколько?

– Сколько надо? Имей в виду, у меня с собой червонец.

– Какой червонец? Не надо мне никакого червонца... Тут покруче делишки... Я посоветоваться хочу, как быть.

– Влип куда-то опять?

– Я никогда еще никуда не влипал, – обижается Жора, – внедрился позавчера. Нечаянно.

Это сурово. Серьезные люди годами внедриться не могут, а тут – нечаянно. Впрочем, послушаем.

– Я, короче, в вечер дежурил. По графику. Все спокойно было, ни одной заявки. Без пяти двенадцать, зашел в дежурку, пушку сдать, ну и откланяться. Мне, сам знаешь, на электричку, главное, успеть, иначе пешком по шпалам...

Жора обитает в пригороде, проблема с транспортом для него злободневна

– Пушку сдал, только на порог, как вдруг тетка лопоухая заявляется. Сумку, мол, рванули в парадной! С деньгами. Мелочевка, в общем, но пришлось остаться. И, самое обидное, опустили ее аж в прошлый понедельник! Она неделю терзалась, идти в ментуру, не идти, наконец, решила. На ночь глядя, блин. Пока ее опросил, пока уговорил, что все ей померещилось, а сумку она потеряла, часа полтора прошло. Как домой добираться? В отделе оставаться? Нельзя, ты ж мою Ленку знаешь... Потом хрен отмажешься, она в последнее время меня к собственной тени ревнует. Михалыч дежурную тачку не дал, она одна на всю территорию, понять можно. Выхожу, короче, из отдела, под окнами джипарь стоит. Видел, гроб на колесах, десятиместный?

– Видел. Изъятый, что ли?

– Пока не изъятый, хозяина на десять суток прикрыли за какие-то грехи, но если выпустят – тачку вернуть придется. А пока возле отдела поставили, чтобы не угнали. Я и прикинул, чего вхолостую стоит?

– Ты на нем и укатил.

– Ну да. Ключ у Михалыча взял и погнал. Хороший агрегат, жрет, правда, много. Только из города выехал, смотрю, два орла на обочине голосуют. Тормознул. Лишняя сотня не помешает. А ночью можно и по двойному тарифу. Куда, спрашиваю? Отвечают, мол, груз надо перевезти. С полтонны где-то. Как раз в джипарь войдет. Рядом тут, километров десять. Пятьсот «рябчиков» предложили. Я накинул, сторговались за семьсот. Посадил их, поехали. А рожи-то у хлопцев, будь здоров, увидишь, не забудешь. Семейка Адамсов. Питекантропы отдыхают. Я, если честно, уже по дороге струхнул, а ну удавку накинута, а у меня ни ствола, ни

дубины. На трассе кричи, не кричи, а ксиву им показывать, сам понимаешь, только дразнить... Лучше, думаю, упредить.

– А куда ехать то?

– Да по пути. Рядом с моим домом. В двух кварталах.

Жора взял с моего стола сигареты, прикурил и продолжил.

– Ну, и давай им байду грузить, дескать, я пацан крутой, в команде местной работаю, вот джипарь братва подарила на именины. Те сидят, слушают, не шевелятся. Я дальше. Команда у нас крутая, весь город держит, пахан авторитетный, чуть не по-нашему, сразу – пулю... А за своих пацанов врага из под земли достанет...

– Слышал бы Шишкин.

– Да мне не до чести мундира было. Кассетку вставил в маг, там блатота оказалась, песни про зону, как раз в тему. Так с музычкой до места и доехали. Они в адрес пошли и давай оттуда коробки какие-то выносить. Полный джип натолкали. Только странно как-то они грузили. Машину не у подъезда попросили поставить, а за углом, на пустыре. Минут двадцать бегали туда-сюда. Потом на другой конец города покатили. На самом деле, не так далеко, у нас городок то – за полчаса пешком обойти можно. Приехали, разгрузились. В обычный дом, на первый этаж таскали. Я не помогал, просто сидел курил, мол, нормальные пацаны такой туфтой не занимаются. Потом мне тонну отстегнули и отвалили. Я домой. Вот такие дела.

– То есть ты при деньгах?

– Деньги на долги ушли. Тебе, кстати, полтаку вернул вчера. Из этих.

– А при чем здесь внедрение?

– Да, при том..., – Жора смущенно трет подбородок, – ты сегодняшнюю информацию внимательно слушал?

Я, если честно, слушал невнимательно, поглощенный мыслями о женщинах и водке. Шутка. О Родине.

– Конечно... И что там такого?

– Склад в моем городке обнесли. Связали сторожа под стволом и оргтехнику вынесли на тысяч двести зеленых... Врубился?

Врубился. Тут и второклассник врубится.

– То есть, ты там и был?

– Точно. Угадал. Я ж говорю, они мне сразу не понравились. Рожи нехорошие.

– Да, Георгий, не ожидал, – я вылезаю из-за стола и подхожу к окну, – паршивое дело, трибуналом пахнет. Это, Жор, не внедрение, это соучастие в форме пособничества. стыдно. Ты б еще на шухере постоял.

– Так может, поедem, и их тормознем. Адрес-то есть, куда они коробки таскали. Я запомнил.

– Задержать не сложно. А ты не боишься, что они тебя же и загрузят. Мол, за тонну баксов договорились перевезти ворованный товар. Михалыч подтвердит, что ты брал джип. Все остальные подтвердят, что ты неожиданно раздал долги...

– И ты тоже?

– Я не буду, так и быть.

– Но я же не знал, что в коробках, и откуда они.

– А они, скажут, что знал! Хором скажут. Два – один в их пользу. Хрен отмажешься, особенно нынче, в разгар борьбы с коррупцией и олигархами. Проведут промеж вами очную ставку, и поедешь ты, страшно подумать, куда.

– И чего делать? Плюнуть и забыть?

– Дело твое, только вдруг их возьмут, и они начнут кукарекать, особенно про то, какой ты крутой пацан и какой у тебя замечательный пахан. Джип-то приметный, найти не сложно.

Жора берет вторую сигарету и жадно затягивается.

– И что ты посоветуешь?

– Тут только один выход. До конца играть... Чтоб отдел собственной безопасности, прокуратура и вышестоящее начальство действительно поверило, что это была оперативная разработка, и ты действительно внедрился в банду под видом водилы. Жора – внедряк. Нет – внедрило.

Георгий на секунду-другую задумывается, потом согласно кивает.

– Ты прав... Есть у меня идея. Сегодня же и займемся. У тебя время есть?

– А я-то тебе зачем?

– Прикроешь...

* * *

– Скажи, Жор, ты Родину любишь?

– Люблю. Кто ж ее не любит?

– А как ее из кризиса вывести, знаешь?

– Знаю. В три шага.

– Серьезно? Не поделишься?

Загорается зеленый, Жора рвет с места, словно Шумахер, на первой передаче разгоняясь до полтинника.

– Первое – увеличить зарплату милиции.

– Ну, пожалуй, соглашусь.

– Второе – увеличить зарплату милиции.

– А-а-а-а... Берусь угадать третье.

– Не угадаешь. Третье – проконтролировать, чтобы были выполнены два первых пункта. И наказать виновных.

– Ты думаешь, Родина выйдет после этого из кризиса?

– Не сомневаюсь. Милиция покончит с преступностью, олигархи вернут ворованные бабки, экономика возродиться, народ начнет зарабатывать, и мы станем мировой державой. Все просто.

Жора сворачивает на пригородную трассу, прибавляет газку, перестроившись в левый ряд. Джип хорош, на таком не стыдно и в свет выехать. Жоре, вероятно, надоели разговоры о Родине, он врубает магнитофон, салон наполняется лирическими нотами блатного шансона. Не снижая скорости, мы проскакиваем пост ГИБДД, и оказываемся за чертой города. Минут через двадцать будем у цели.

У небольшой развилки мой наблюдательный глаз замечает ментовский «Жигуль», притаившийся в кустах. «Жигуль» выдает себя включенными мигалками, которые видно минимум за версту. В машине никого нет, рядом тоже.

– Странно, – я киваю на «Жигули», – если это засада, то зачем включены мигалки. А если не засада, то где менты?

– Да он уже месяц тут стоит, – спокойно отвечает Жора, – там мотора нет.

– Как нет? – тупо спрашиваю я.

– Ты развилку видал? Это дорога на дачу нового зама начальника Главка.

– И что?

– Он когда должность получил, велел сюда пост поставить. Тачку с нарядом. Чтоб бандуги и шушуря всякая знала, сюда соваться нельзя. Объект охраняется. Типа пугала огороженного. А лишних тачек у нас, сам знаешь, днем с огнем. Вот шеф автохозяйства и вывернулся. Взял списанный «Жигуль» без движка, мигалку повесил, подкрасил и на буксире сюда притащил. Раз в сутки водила приезжает, аккумулятор менять, чтоб мигалка не сдохла.

– А наряд?

– Наряд первых три дня стоял, потом плюнули, решили, что к тачке и так никто не подойдет, кому она без мотора нужна. Ну, и сняли. В общем, ничего, только бомжи иногда в ней ночуют, когда дождь...

Н-да... Все-таки, пора, пора спасти Родину, пора. Давно назрело...

Остаток пути мы проводим в молчании. Погодка сегодня ничего, солнышко местами посвечивает. Верю, ждет нас удача.

– Все, это здесь, – Жора заруливает на поребрик возле трехэтажного домишки и глушит движок.

– Не ошибаешься?

– Не ошибаюсь. Вотчина. Ты в разговор без нужды не встревай, есть у меня чего им сказать. Пошли.

Мы передергиваем затворы, покидаем джип и идем в квартиру на первом этаже упомянутого дома. Кто не понял, ту самую, куда ночные знакомые Жоры выгружали коробки. Предварительно напарник брякнул в паспортный стол и выяснил, что прописана в адресе бабуля восьмидесяти двух лет. Из чего напрашивался вывод, что пацаны снимают эту хату и скорей всего, залетные, то есть не местные. Маловероятно, что хозяйка верховодит бандой в столь почтенном возрасте. Хотя, всякое, конечно, бывает...

Георгий уверенно жмет звонок, не отпуская его до тех пор, пока тяжелый баритон осторожно не спрашивает: «Хто?»

– Свои. В окошко выгляни.

Напротив окон гордо, словно крейсер «Аврора», замер наш джип. Секунд через двадцать ключ поворачивается в замке, дверь распаивается и перед нами возникает улыбатая физиономия первого питекантропа – жилистого мужчинки лет тридцати от роду.

– Здорово, кореш, – Жора сверкает позолоченной коронкой и переступает порог, – узнал?

– Узнал, – кореш пропускает нас внутрь, продолжая лыбиться.

Из комнаты появляется второй Жорин попутчик. Да, лицом он тоже не вышел, общаться с таким лучше через пуленепробиваемое стекло. Тем более, что в правой руке у него зажат обрез системы Мосина, слегка подпорченный ржавчиной. Обрез плохо сочетается с ярко-бордовым шелковым халатом, в который облачен субъект. Особенно учитывая, что халат женский.

– Это свои, – сообщает первый второму, по-прежнему улыбаясь.

Я приглядываюсь и понимаю в чем секрет его улыбки. У него просто лицо такое. Зеркало души. Открытое и приветливое. Как врезали чем-то тяжелым, так и осталось.

Второй не опуская обреза, проводит тщательный фейс-контроль и, узнав знакомые черты Жоринского лица, удовлетворительно хмыкает.

Георгий, не дожидаясь приглашения, по-хозяйски проходит в комнату, я, естественно, за ним. Никакой прописанной старушкой не пахнет, зато в наличии коробки с оргтехникой, аккуратно составленные в углу, рядом с корявым диваном времен пролетарской диктатуры. В противоположном углу горкой свалены какие-то шмотки – шубы, кожаные куртки, дамские сапожки... И, в принципе, можно хоть сейчас кричать: «Руки в гору!», но у напарника иные планы. Он присаживается на бабушкин диван и оттопыренным мизинцем указывает питекантропам на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.